

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Владимир
Войнович

Трибунал

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Владимир Войнович

Трибунал

«ФТМ»

1985

Войнович В. Н.

Трибунал / В. Н. Войнович — «ФТМ», 1985 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

ISBN 978-5-4467-1687-6

Социальная комедия Владимира Войновича. В пьесе обличается общество победившего кафкианства. Главный герой произведения – инженер Подоплеков – отправляется под суд прямо из зрительного зала театра, куда, ничего не подозревая, пришел культурно провести вечер с женой.

ISBN 978-5-4467-1687-6

© Войнович В. Н., 1985

© ФТМ, 1985

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Войнович
Трибунал
Судебная комедия в двух действиях

Действующие лица

Подоплеков Леонид
Подоплекова Лариса
Подоплекова Света
Председатель трибунала **Мешалкин**
Прокурор **Гвоздилов**
Защитник **Тюбиков**
Секретарь **Персикин**
Мешалкина Людмила
Мешалкин Жорик
Бард
Горелкин
Юрченко
Терехин
Зеленая
Депутат
Священник
Зритель
Санитары и другие

Действие первое

Что-то вроде пролога

*Посреди сцены длинный высокий стол, покрытый зеленым сукном. За ним кресло с высокой спинкой. Еще три маленьких столика со стульями: один перед большим столом, на авансцене, два по бокам. В глубине сцены статуя Фемиды. Глаза у нее завязаны, в одной руке пачка денег, в другой весы, одна чаша которых висит на оборвавшейся с одной стороны цепочке, а другой вообще нет. Слева от Фемиды – клетка, а в клетке скамья подсудимых. В верхней части сцены портреты людей, нам пока незнакомых. Рабочие сцены суетятся, поправляя практически уже расставленную мебель, и не обращая внимания на **священника**, который ходит следом за ними с ведерком и кропилом. Окунает кропило в ведерко, окропляет все предметы, бормочет подходящие слова почти неслышно.*

Священник. Создателю и Содетелю человеческого рода, Дателю благодати духовная, Подателю вечного спасения, Сам, Господи, пошли Духа Твоего Святого с вышним благословением на обитель сию, яко да вооружена силою небеснаго заступления хотящим ея употребляти, помощна будет к телесному спасению и заступлению и помощи, о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

*На сцену выходит **бард** с гитарой. Протягивает купюру **священнику**, тот молча берет и уходит.*

Бард (говорит тихим, домашним, совершенно нетеатральным голосом, в промежутке между фразами настраивая гитару). Кажется, они еще не готовы. Я имею в виду исполнителей. У них даже еще, по-моему, и окончательный текст недоработан. Это вот современное искусство. Все делается наспех, небрежно. Сцену освятили, зрители собрались, а они там все еще текст дописывают, сюжет подправляют, не понимая того, что он все равно приведет их к тому же финалу. Ну, ладно. Я вам пока что-нибудь спою. (*Поет*).

Течет река издалека,
Все ширясь и полнея.
Течет река, и облака
Качаются над нею...

И отраженный небосвод
Поблескивает тускло.
Вот так и жизнь мою несет
Извилистое русло.

Во время пения где-то, сначала далеко, а потом все ближе, ближе слышатся прерывистые и тревожные звуки сирены то ли скорой помощи, то ли пожарной машины, то ли полиции. По мере того, как звуки усиливаются, бард поет все громче и громче, стараясь их перекрыть.

Юг, Север, Запад и Восток,
Меняются, плутуя...
Из ничего я проистек
И ни во что впаду я.

Ну а пока течет река,
Пока водичка льется,

Пускай и жизнь течет, пока
Совсем не истечется.

Бард (*Прекращает петь*). Нет, это невозможно. (*Помолчав.*) Не понимаю, зачем это нужно. (*Имитирует вой сирены.*) У-у-у-у! Прежние так же уукали. А эти, вы помните, когда еще только на подходе были, когда еще боролись за власть, обещали, что при них никаких ууканий больше не будет. Вы посмотрите на нас, говорили они нам, мы простые люди, по существу такие же, как и вы, мы из народа, мы носим дешевые ботинки, потертые джинсы, мы ездим в автобусах и метро. А теперь видите, опять то же самое. Нет, я не критикан и не борец. Я, если хотите знать, вообще против всякой борьбы. Потому что все равно бесполезно. Будем бороться, получать дубинками по башке, отсиживать свои сутки в участке, пока не добьемся того, что заменим этих другими, которых вместе с нами били дубинками. Но они сядут в свои лимузины и опять засвистят мимо нас: у-у-у-у-у! А мы пойдем пешком и снова будем биты теми же дубинками.

Сцена первая

Между тем звук сирены, точнее, многих сирен, катастрофически нарастает. Свет в зале и на сцене гаснет. Звук сирен смешивается с шумением колес, с шумом несущихся с огромной скоростью автомобилей. По сцене слева направо проносятся сине-красные мигалки, в результате чего возникает ощущение, что кортеж автомобилей пересекает сцену. Внезапно мигалки гаснут, исчезают все звуки. Несколько мгновений в зале и на сцене полная темнота и тишина. Затем вспыхивает свет, и одновременно на сцене, во всех проходах и у дверей появляются автоматчики.

На сцену в строгом темном костюме выходит Секретарь. Деловой походкой подходит он к краю сцены и пристально всматривается в публику, как бы пытаясь определить, нет ли среди зрителей возможных злоумышленников. Не разрешив до конца своих сомнений, тихо уходит за кулисы. В репродукторах раздается шум бурных оваций, и на сцену гуськом выходят: Председатель, Прокурор, Защитник и Секретарь. Это их портреты висят над сценой. Как бы отвечая на аплодисменты восторженной публики, они на ходу тоже хлопают в ладоши. Занимают места: Председатель – в центре, Прокурор – за маленьким столом слева, Защитник – справа и Секретарь – посередине. Молча раскладывают бумаги, иногда перешептываясь. Публика ждет; наконец женщина в первом ряду не выдерживает и обращается к сидящему рядом с ней мужчине (это чета Подоплековых).

Лариса. Леня, я не понимаю, что здесь происходит! Почему здесь так много вооруженных людей?

Подоплеков. Успокойся, Лара. Что ты нервничаешь? Это же спектакль.

Лариса. Я понимаю, что спектакль, но почему так много вооруженных людей?

Подоплеков. Я не знаю, почему. Наверное, так нужно. Ты разве никогда не видела на сцене вооруженных людей?

Лариса. Я видела. Но если это настоящий спектакль, то исполнители должны что-нибудь говорить, а эти вышли и молчат.

Подоплеков. Ну и что, что молчат? Возможно, у них такие вот молчаливые роли. Мне кажется, они изображают какое-то важное заседание. (*Обращаясь к Председателю.*) Господин артист, вы не скажете, какую вы роль исполняете?

На сцене происходит некоторое замешательство. Председатель переглядывается с Прокурором и Защитником, те пожимают плечами. К Председателю подбегает Секретарь и что-то шепчет ему в ухо.

Председатель. А-а, роль. (*Подоплекову, важно*). Я исполняю роль председателя трибунала.

Подоплеков (*Ларисе*). Ну вот видишь, я тебе говорил, что это спектакль. А товарищ играет роль как бы председателя трибунала. (*Председателю*). И что? И вы, очевидно, собираетесь как бы кого-то судить?

Председатель. Что значит как бы? Придумали эту дурацкую вставку «как бы» и суют куда ни попадя. Сегодня как бы хорошая погода, а вчера как бы шел дождь, а это как бы трибунал, и как бы кого-то как бы будут как бы судить. Да не как бы, а просто трибунал, и просто будем судить. Без всяких «как бы».

Подоплеков. Извините, слова-паразиты. Не могу избавиться. Как бы значит, так сказать, в плане того что. Сейчас это все как бы так говорят, как бы, как бы (*Ларисе*). Вот видишь. Я же тебе говорил. Интересная как бы завязка. Раз есть, так сказать, трибунал, значит, он должен как бы кого-то судить. (*Председателю*). Это примерно как у Чехова, правильно? Если на сцене висит ружье, значит, оно непременно когда-нибудь выстрелит. (*Смеется*).

Прокурор. Еще как выстрелит! Так выстрелит, что ого-го!

Защитник (*печально*). Выстрелит, выстрелит.

Председатель (*знаком остановив Защитника, Подоплекову*). А что вот вы про Чехова говорили? Он так и сказал, что если висит ружье, так оно обязательно выстрелит?

Подоплеков. Ну да, так и написал, что если, говорит, в первом акте висит, то во втором или третьем обязательно, говорит, бабахнет.

Прокурор. И вы с ним согласны?

Подоплеков. А как же я могу не согласиться, если такой авторитет как Чехов пишет! Это ж не то что теперешние, у которых в книгах только убийства, секс и мат. Иной раз такое наворотят, что я, взрослый человек, краснею, когда читаю. И вот не понимаю даже, куда государство наше смотрит. Согласен, цензуры нет и не надо, но ведь должны же быть какие-то ограничения. А если все позволено: мат, секс и так далее, значит можно как бы и воровать, насильничать и убивать.

Лариса. Леня, зачем ты так? Ты даже не знаешь этих людей, а такие слова говоришь.

Подоплеков. А что я говорю? Я ничего такого не говорю. Я говорю только, что если можно петь под фанеру, торговать своим телом, писать в книгах всякие слова, показывать по телевизору секс – значит, можно воровать, насильничать, грабить и убивать.

Председатель. Вы считаете, можно?

Подоплеков. Что можно?

Председатель. Вы сказали, можно воровать, насильничать, грабить и убивать.

Подоплеков. Вы, господин артист, как-то выворачиваете и как бы даже вырываете мои слова из контекста.

Прокурор. О, какой эрудит! Знает даже слово «контекст».

Подоплеков. Ну конечно, знаю. Я все-таки, слава богу, человек интеллигентный, образованный и любознательный.

Председатель. И верующий.

Подоплеков. Я?

Председатель. Вы сказали «слава богу». Неверующий так не сказал бы.

Подоплеков. Ну да. Сейчас мы все как бы верующие. А как же. Раньше были атеисты, кресты с колоколен сбивали, иконы топором рубили, в церкви свиней загоняли, а теперь все такие набожные, православные просто жуть. Кресты носим, со свечками под образами стоим. А я вообще-то, честно сказать, не очень. Но когда о том о сем думаю, как оно все так получилось, то в голову невольно что-то закрадывается. Трудно, знаете, как-то представить, чтобы все это, ну, я имею в виду, люди, коровы, собаки, ну и всякие другие звери, лягушки и насекомые – сами по себе, так вот, ну как бы из пыли, возникли. Я думаю, там, может быть, какой-то такой вроде как высший разум как бы все-таки есть.

Председатель. Думаете, все-таки что-то такое имеется?

Подоплеков. Да, иногда думаю, что что-то все-таки такое есть.

Прокурор. А иногда думаете, что ничего нет?

Подоплеков. Ну да, иной раз такое тоже приходит в голову. Вот не далее как вчера пошел в супермаркет, пятисотенную бумажку взял, ну набрал в тележку триста грамм колбасы, двести сыра, пачку масла, гречку расфасованную, полез в карман расплачиваться, а моей пятисотки нет. Проверил правый карман, левый, в брюках, в пиджаке – нигде нет, Ну, думаю, значит, сперли, или потерял. И так обидно мне стало. Ну, думаю, бога нет. А тут какая-то тетенька говорит: мужчина, это не вы потеряли денежку? И подает мне мою пятисотенную. Нет, думаю, все-таки есть он. Но вы извините, я вас, вероятно, задерживаю. А вы кого, собственно, судить собираетесь?

Председатель. Что? Кого судить? Нам все равно, кого. Ну, допустим, вас.

Секретарь. Да, допустим, вас.

Подоплеков. Меня? *(Смеется)*. А почему меня?

Председатель. А почему не вас?

Секретарь. Вот именно. А почему?

Подоплеков. Потому что меня вроде не за что. Я такой это, так сказать, самый простой человек. Инженер. Хожу на работу, смотрю по телевизору КВН, «Минуту славы», «Ледниковый период», а ничего такого как бы не совершал. *(Садится на место)*.

Председатель. Всякий человек, который живет, что-нибудь совершает.

Секретарь. А который не живет, тот ничего не совершает.

Председатель. Ну, что же вы сели? Поднимайтесь сюда.

Секретарь. И не стесняйтесь.

Подоплеков *(встает, смущается)*. Я? Да ну что вы! *(Смеется)*. Я перед публикой выступать не умею. Все-таки, как бы сказать, не артист.

Председатель. Ну почему же не артист? Знаете, Шекспир сказал: «Весь мир – театр, и люди в нем актеры». Поднимайтесь, и посмотрим, актер бы или не актер

Подоплеков *(смущаясь еще больше)*. Да что вы! Да какой уж из меня актер! Если вам нужен из зрителей какой-нибудь такой ассистент, вы уж, как бы сказать, пригласите кого-то другого. Потому что я перед публикой просто теряюсь. Ну, вы начинайте, начинайте. *(Садится)*.

Председатель *(смеется)*. Чудак-человек! Да как же мы можем без вас начинать? Мы же трибунал. Нам нужен подсудимый.

Секретарь. А трибунал без подсудимого – это все равно что свадьба без жениха. *(Смеется)*.

Председатель. Поднимайтесь, поднимайтесь!

Подоплеков *(вскакивает)*. Ну, мне это, в конце концов, надоело. Я думал, вы шутите. А вы из меня хотите какого-то, понимаете, клоуна сделать. А я вам вовсе не клоун. Вы выступаете, вот и выступайте, а я буду смотреть. А если что, и вообще уйду и потребую у администратора: пусть мне даже деньги за билет вернут. *(Ларисе)*. Пойдем, Лара! Я даже и вовсе этот спектакль смотреть не хочу, довольно, я бы сказал, дурацкий.

Прокурор. Вы слышали? Он сказал, спектакль – дурацкий.

Председатель. *(Прокурору)*. Что? Что?

Прокурор *(волнуясь, встает)*. Ваша честь, я вот смотрю на то, что происходит, и думаю: ну как же вы позволяете этому человеку так нагло себя вести?

Председатель. Ну а как же. Если даже человек совершил преступление, мы должны вникнуть во все подробности, понять, что его толкнуло на этот поступок, учесть смягчающие вину обстоятельства. Мы же, в целом, гуманные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.